

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

tpashkova05@mail.ru

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА РОДИОНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник секции языкоznания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск,
Российская Федерация)

santrar@krc.karelia.ru

О ВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ КОНДИЦИОНАЛА В ЛИВВИКОВСКОМ И ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА*

Целью статьи является сравнительный анализ образования и употребления временных форм условного наклонения (кондиционала) в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка. В качестве методов исследования использовались сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический. Теоретической и методологической основой послужили труды отечественных и зарубежных языковедов, посвященные вопросам грамматики прибалтийско-финских и финно-угорских языков: А. Генетца, П. М. Зайкова, А. П. Баранцева, В. Д. Рягоева, Л. Ф. Маркиановой, Я. Йайспуу и др. В научных трудах исследователи обращались к вопросам образования показателей кондиционала, его временными формами, особенностям использования, однако сравнительный анализ временной парадигмы оставался вне поля зрения языковедов. В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка вычленяется четыре временные формы кондиционала: настоящее (презенс), прошедшее (имперфект), ретроспективное (перфект), давнопрошедшее (плюсквамперфект). В собственно карельском наречии карельского языка выделяются две временные формы: прошедшее (имперфект) и давнопрошедшее (плюсквамперфект). Ливвиковское и людиковское наречия находились в наиболее тесном родстве с вепсским языком и подвергались более сильному воздействию с его стороны, что повлияло на возникновение и употребление в вышеназванных наречиях более полной временной парадигмы кондиционала. Однако с точки зрения семантики и употребления аналитических форм конструкции плюсквамперфекта и перфекта в речи информантов практически не употребляются и являются крайне нерегулярными, малочастотными, обозначая давнопрошедшее время и обычно в предложении противопоставляясь прошедшему (имперфект-плюсквамперфект) и настоящему (презенс-перфект).

Ключевые слова: глагол, наречия карельского языка, кондиционал, условное наклонение, времененная парадигма, прибалтийско-финские языки

Для цитирования: Пашкова Т. В., Родионова А. П. О временной парадигме кондиционала в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.431

ВВЕДЕНИЕ

Кондиционал (лат. *modus conditionalis*), или условное наклонение, выражает осуществление действия при определенном условии. При этом кондиционал не только определяет условие, но и передает пожелание с некоторым оттенком неуверенности, стеснительности. Он может также выражать потенциальность, сомнение, предположение, видимость. Наряду с изъявительным наклонением кондиционал обладает весьма полной парадигмой спряжения, хотя в разных наречиях карельского языка имеет свои особенности.

Первые сведения о формах условного наклонения в ливвиковском и людиковском наречиях

карельского языка встречаются в исследованиях А. Генетца, когда при описании ливвиковских диалектов он говорит о наклонении «конъюнктива», включающего в себя как сослагательное, так и возможностное наклонение [13: 165]. В описании людиковских говоров А. Генетцом отмечается наличие форм кондиционала, образуемых как от лексической основы глагола, так и от форм II причастия актива (претерит кондиционала) [11: 23]. Среди исследователей, занимавшихся изучением людиковского глагола, назовем П. Виртаранта (работы по галлэзерскому говору людиковского наречия) [23: 105], А. П. Баранцева (по южнолюдиковскому (святозерскому) диалекту))

[1: 153–158]. Условное наклонение ливвиковского наречия описано в грамматике Л. Ф. Маркиановой [17]. Из новейших исследований по глаголу следует выделить работы П. М. Зайкова [4] и И. П. Новак с соавторами [7].

В отличие от ливвиковского наречия, которое планомерно преподают как в школах и высших учебных заведениях, так и на языковых курсах, язык людиков оказался на периферии ревитализационных процессов и на сегодняшний день слабо представлен в образовательном пространстве: на нем не ведется планомерное и систематическое преподавание, и тому есть объективные и субъективные причины. Серьезными препятствиями является географическая дисперсность людиков, языковая неоднородность. Для создания учебной литературы необходим унифицированный вариант, приемлемый дляносителей разных говоров: письменная норма людиковского наречия до сих пор не сформирована, в отличие от ливвиковского наречия. Ливвиковское и людиковское наречия находятся в наибóлее тесном родстве другом с другом, и в дальнейшем материал, который будет проанализирован в статье, может быть использован при подготовке учебных пособий, в которых остро нуждаются представители людиковского наречия. В связи с этим в статье людиковская часть будет базироваться на диалектном материале (главным образом на святозерском диалекте), а ливвовская – на литературной норме. При этом в контекстных примерах для демонстрации употребления форм наклонения в ливвиковском наречии нами будут использоваться также диалектные примеры.

В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка простые формы кондиционала 1 и 2 л. ед. и мн. ч. образуются при помощи показателей *-izi-* (ливвиковское наречие), *-iži-* (людиковское наречие), которые присоединяются к сильной гласной основе глагола и за которыми следует лично-числовое окончание: люд. *aaja-iži-n* / ливв. *ajazin*; люд. *anda-iži-d* / ливв. *andazit*; люд. *vedä-iži-mm(e)* / ливв. *vedäzimmö* и т. д. В форме 3 л. ед. ч. показателем кондиционала является *-is* (ливв.) и *-iš* (люд.): люд. *aja-iš* / ливв. *aja-is*; люд. *anda-iš* / ливв. *anda-is*; люд. *vedä-iš* / ливв. *vedä-is* и т. д.

Показатель *-zi-*, *-iži-* < *-isi-* состоит из двух элементов *-si-* и *-i-*, второй из которых является показателем имперфекта [14: 246], [21: 150]. По поводу другого элемента *-is-* у исследователей имеются разные точки зрения на его происхождение. Так, Э. Сетяля считает, что показатель *-isi-* восходит к суффиксу фреквентативных глаголов *-ksi* [21: 147–150]. П. Равила возводил показатель *-is-* к именному деминутивному суффиксу *-ise-* [20]. А. Хакулиnen полагал, что показатель мог развиться из какого-то похожего словообразовательного суффикса [14: 246]. Следует

подчеркнуть, что показатель *(-i)ži-* (*-isi-*, *-izi*, *-zi*) является общим для северно-восточной группы прибалтийско-финских языков (финского, карельского, ижорского, водского и вепсского), в то время как юго-восточной группе (эстонскому и ливскому) свойственен суффикс *-ksi*, *-ks* [9: 80].

К показателю кондиционала присоединяются те же показатели грамматического лица-числа, что и в имперфекте индикатива [9: 80], [16: 154]. По мнению Я. Йыспуу, рассматриваемое наклонение не имеет прямых соответствий в более дальних языках, за исключением саамского, в котором кондиционал связывается с потенциалом, поскольку эти наклонения близки друг другу семантически [9: 81].

В младописьменном ливвиковском наречии показатель кондиционала утратил свой первый компонент *i*: ср. люд. *andažin*, ливв. *andazin*. Впрочем, в некоторых говорах людиковского наречия *-iži-* и *-ži-* могут употребляться параллельно [9: 82].

Кондиционал имеет четыре формы времени: *презенс*, *имперфект*, *перфект* и крайне малоупотребительный *плюсквамперфект* [4: 220]. Однако не все исследователи согласны с этой точкой зрения. А. Генетц выделял так называемую простую форму кондиционала и составную форму прошедшего времени [12: 221]. Его точку зрения поддерживал и Э. В. Ахтиа, когда писал о двух временных формах: презенсе с показателями *-(i)zi*, *-is* и перфекте с показателями *-(n)nuzi*/*-(n)nyzi* [10: 76–77]. В. Д. Рягоев в тихвинском говоре также выделял две формы: презенс и образованный аналитический перфект [8: 141–143]. О двух формах в толмачовском говоре упоминал и Г. Н. Макаров [6: 71], и в более ранних работах П. М. Зайков, исследуя собственно карельские говоры [3: 30–33]. А. П. Баранцев выделял уже три временные формы: презенс, перфект (прошедшее время) и плюсквамперфект [1: 155–157]. В близкородственном вепсском языке у кондиционала есть четыре времени: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект [5: 138–158]. Не исключено, что именно вепсский язык повлиял на ливвиковское и людиковское наречия настолько сильно, что в них стали появляться новые временные формы кондиционала. Также можно предположить, что в вышеназванных наречиях существовало стремление выстроить в кондиционале полную парадигму сослагательного наклонения [4: 234].

Рассмотрим показатели всех возможных временных форм кондиционала.

В образовании *презенса кондиционала* показатель *-iži-* (люд.), *-zi-*, *-izi-* (ливв.) присоединяется к гласной основе глаголов (сильной при наличии количественного чередования ступеней согласных) и основе пассива. В формах 3 л. показатель *-iži-* модифицируется в *-iš-* (люд.), *-is-* (ливв.). В людиковском наречии при присоединении показателя кондиционала *-i* к основе глагола на *-a*, *-ä*, *-o*, *-ö*, *-u*, *-y* оба образовывают дифтонг *ai*,

äi, oi, öi, ui, yi. При присоединении показателя кондиционала к основе на -e конечная гласная основы утрачивается, а при присоединении к дифтонгу или долгой гласной в односложных основах также образуется дифтонг на -i с конечной гласной дифтонга: d'uo > d'oi, syö > sōi, sua > sai. В ливвиковском наречии показатель -zi- присоединяется к глаголам с основой на -a, -ä, -o, -ö, -u и с основой на дифтонг. При присоединении показателя -izi- к глаголам с основой на -e, -i упомянутые гласные утрачиваются. В 3 л. мн. ч. показатель кондиционала -s присоединяется к пассивной основе:

люд. **ajada** ‘ехать’: aja + -iži-(-iš) = ajaiži-n, ajaiš; ajatettaiš ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mändä** ‘идти’: mäne + -iži-(-iš) = mäniži-n, mäniš; mändäiš ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: syö + -iži-(-iš) = sōi-žin/syöi-žin, sōiš/syöiš, syötäiš ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: aja + -zi-(-s) = aja-zi-n, aja-s, ajetta-s ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mennä** ‘идти’: mene + -izi-(-is) = men-izi-n, men-is, mendä-s ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: syö + -zi-(-s) = syö-zi-n, syö-s, syödä-s ‘Я, он съел бы; они съели бы’ [17: 27].

люд. Ka tuultaa štobi tuul’ **kävüiš** da štobi puhtas puhtaz oljiž ni mid ei dieiš ‘Да проветрить нужно, чтобы ветер (воздух) продул и чтобы чисто стало, ничего не осталось бы’ [18: 356]; Kui tämä lumi on vilu muga minä **yilustuižin** ‘Как этот снег холоден, так и я замерзла бы’ [1: 155]; ливв. enne muidu **men’izit** ruadoh aijoimbah huondeksel ‘пошел бы ты раньше других на работу утром’; **ottazimmo** hänen käes ‘мы взяли бы ее за руку’ [4: 226].

Отрицательная форма презенса кондиционала 1 л. ед. и мн. ч., 2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. ед. ч. образуется при помощи отрицательного глагола ei в форме 1 л. ед. и мн. ч., 2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. ед. ч. и смыслового глагола в форме 3 л. ед. ч. (в ливвиковском наречии – в 3 л. мн. ч. сохраняется пассивная основа) презенса кондиционала:

люд. **ajada** ‘ехать’: en, ei, ajoiš; ei ajetaiš ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mändä** ‘идти’: en, ei, mäniš; ei mändäiš ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: en, ei sōiš/syöiš, ei syötäiš ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: en, ei aja-s, ei ajetta-s ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mennä** ‘идти’: en, ei men-is, ei mendä-s ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: en, ei syö-s, ei syödä-s ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’ [17: 28];

люд. Minä mud **en tiedäiš** ka peränikät sanottih Lohmuoin oli ‘Я не знала бы [этих деревни], да сплавщики говорили, что Логозеро было’ [2: 55]; Štobi maid **ei happeniš** midä pidi emändäle ruata ‘Что нужно было хозяйке сделать, чтобы молоко не скисло?’ [18: 351];

ливв. myö **emmo ottas** händy meččäh ‘мы не взяли бы его в лес’; hyö **ei pajatettas** nämii

pajoloi, gu **ei tiettäs** ‘они не пели бы этих песен, если бы не знали их’ [4: 227].

Показателями имперфекта кондиционала в людиковском наречии карельского языка являются -nuiži-/nyiži-, -nuiš-/nyiš-, ливвиковском наречии – -nuži-/nyži-, -nnuži-/nnnyži-, -nus-/nys-, -nnus-/nnnyš-, где показатель имперфекта кондиционала распадается на два компонента: первый из которых -nu-/ny- относится к показателю 2. причастия актива, второй является непосредственно показателем кондиционала. Показатель присоединяется к гласной или согласной основе глагола и к основе пассива (в 3 л. мн. ч.):

люд. **ajada** ‘ехать’: aja + nu + -iži-(-iš) = mina ajanuiži-n, häin ajanuiš, hyö ajetanuiš ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mändä** ‘идти’: män + ny + -iži-(-iš) = mina männnyiži-n, häin männnyiš, hyö mändänyiš ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: syö + -ny- + iži-(-iš) = minä syönyiži-n, häin syönyiš, hyö syötänyiš ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: aja-nuzi-n, aja-nu-s, ajetannus ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’; **mennä** ‘идти’: men-nyži-n, men-ny-s mendänys ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: syö-nyži-n, syö-ny-s, syödä-ny-s ‘Я, он съел бы; они съели бы’ [14: 28];

люд. Egläi minä **ruadanuižin** äijän, ku **olnuiž** aigad ‘Вчера бы много сделал, если бы вре- мя было’ [15: 281]; **Ka tiedänuižin** sen kai sanoinuižin ‘Если бы я знал об этом, то рассказал бы тебе’ [1: 156]; ливв. minä **tiedänyzin** kuz on häi, sanonuzin muamale ‘если бы знал, где он, сказал бы маме’; hyö minuu **tijjustettanus** ‘они узнали бы меня’ [4: 237].

Отрицательные формы структурно обра- зуются так же, как и в презенсе: к отрицательному глаголу в соответствующем лице-числе присоединяется смысловой глагол в 3 л. ед. ч. в форме кондиционала. В 3 л. мн. ч. за отрица- нием ei следует смысловой глагол в форме 3 л. мн. ч. имперфекта кондиционала:

люд. **ajada** ‘ехать’: en, ei ajanuiš, ei ajetanuiš ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mändä** ‘идти’: en, ei männnyiš, ei mändänyiš ‘Я, он не по- шел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: en, ei sōiš/syöiš; ei syötäiš ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: en, ei ajanus-nus, ei ajeta-nnus ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mennä** ‘идти’: en, ei men-ny-s, ei mendä-nnys ‘Я, он по- шел бы; они не пошли бы’; **syvvä** ‘есть’: en, ei syö- nnys, ei syödä-nys ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’ [17: 9];

люд. Akad siid nostettih häntte, **eika** sinnäi **kuolnuiš** ‘Женщины вытащили его, иначе там и умер бы’ [2: 123]; **Ei tirpanuiš** mattit panda ka lapset oldih rindal ‘Он не вытерпел бы выругаться, да дети были рядом’ [1: 156]; ливв. **en tullus** gu ei kučuttu ‘я не пришел бы, поскольку меня не звали’; ei käynys häin nikun ‘не ходил бы он никуда’ [4: 236].

Перфект кондиционала образовывается при помощи глагола olla и 2. причастия актива смыслового глагола. В 3 л. мн. ч. смысловой глагол выступает в форме 2. причастия пассива. Названная форма свойственна только ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка. В собственно карельском наречии функционирует одна составная форма, относительно которой в различных исследованиях используются наименования перфект или плюсквамперфект (olizin / olisin / oliziin tullun / tullut ‘я пришел бы’). В южнокарельских диалектах собственно карельского наречия отмечается возможность употребления сокращенных по звучанию вариантов лично-числовых форм вспомогательного глагола: oiziin / oizin, oiziit / oizit, ois’, oizima / oizimma, oizija / oizitta [7: 320]:

люд. **ajada** ‘ехать’: oližin, oliš ajanu, oldaiš ajattu ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’, **mändä** ‘идти’: oližin, oliš, männny, oldaiš mänty ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: oližin, oliš, syöny, oldaiš syöttty ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: olizin, olis ajanuh, oldas ajettu ‘Я, он поехал бы, они поехали бы’, **mennä** ‘идти’: olizin, olis mennyh, oldas mendy ‘Я, он пошел бы, они пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: olizin, olis syönnyh, oldas syödy ‘Я, он поел бы, они поели бы’ [17: 10];

люд. Egläi d’o oližit azunu ‘Еще вчера ты мог бы сделать’; Lapset oldaiš kävüttü školah da pidi ruata ‘Дети ходили бы в школу, да надо было работать’ [1: 157]; ливв. olizimmo tulluh gostih ga autobussi ei kävèle ‘мы приехали бы в гости, да автобус не ходит’; olizit pannuh peen pehkoh ‘спрятался бы ты’ [4: 239].

Отрицательная форма перфекта условного наклонения строится из отрицательных форм презенса кондиционала глагола olla в соответствующем лице-числе и 2. причастия актива смыслового глагола, в 3 л. мн. ч. смысловой глагол выступает в форме 2. причастия пассива:

люд. **ajada** ‘ехать’: en, ei oliš ajanu, ei oldaiš ajattu ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’; **mändä** ‘идти’: en, ei oliš männny, ei oldaiš mänty ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: en, ei oliš syöny, ei oldaiš syöttty ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: en, ei olis ajanuh, ei oldas ajattu ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mennä** ‘идти’: en, ei olis mennyh, en oldas mendy ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: en, ei olis syönnyh, ei oldas syödy ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’ [17: 10];

люд. En olīš nähnū, ka en uskonuiš ‘Если бы я не увидел, то и не поверил бы’; Paimoi palkattih štobi lehmät ei oldaiš hävittü mečäs ‘Нанимали пастуха, чтобы коровы не пропали бы в лесу’ [1: 157]; ливв. en olis tulluh, ga kučuttih ‘я не пришел бы, да позвали’; hyö ei oldas tuldu gostih gu

ei piästänys ruadolois ‘они не пришли бы в гости, если бы не освободились от работы’ [4: 239].

Плюсквамперфект кондиционала образуется из личных форм глагола olla в форме имперфекта кондиционала (ливв. olluzi-, olluh, oldanus, люд. olnwizi-, olnuiš, oldanu) и 2. причастия актива смыслового глагола. В 3 л. мн. ч. смысловой глагол употребляется в форме 2. причастия пассива. Следует подчеркнуть, что, по мнению П. М. Зайкова, данная временная форма присуща всем наречиям карельского языка, за исключением подужемского, тихвинского и весьегонского диалектов собственно карельского наречия, в которых функции прошедшего времени обслуживаются формами перфекта [4: 240]:

люд. **ajada** ‘ехать’: olnuižin, olnuiš, ajanu, oldanuiš ajattu ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’, **mändä** ‘идти’: oližin, oliš, männny, oldaiš mänty ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’; **syödä** ‘есть’: olnuižin, olnuiš syöny, oldaiš syöttty ‘Я, он съел бы; они съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: olluzin, ollus ajanuh, oldanus ajettu ‘Я, он поехал бы; они поехали бы’, **mennä** ‘идти’: olluzin, ollus mennyh, oldanus mendy ‘Я, он пошел бы; они пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: olluzin, ollus syönnyh, oldanus syödy ‘Я, он съел бы; они съели бы’ [17: 33];

люд. Minä olnužin d’o pakutannu ka en tiennü näljööt puhegit ‘Я вылечила бы боль, да не знала тех заговоров’ [1: 158]; Sille pid’i endepiäi mille sanuda, minä olnuižin vähäižen duumainu ‘Надо было мне заранее сказать, я бы немногого подумал’ [22: 87]; ливв. olluzimmo syönnyh kaiken go andettas ‘мы все бы съели, если бы нам дали’; olluzin tulluh, ga aigu ei andan ‘я бы пришел, да время не позволило’ [4: 244].

Отрицательные формы плюсквамперфекта кондиционала строятся при помощи отрицательных лично-числовых форм глагола ei (en, et, ei, emme, ette) в имперфекте кондиционала и смыслового глагола в форме 2. активного причастия, в 3 л. мн. ч. – в форме 2. пассивного причастия:

люд. **ajada** ‘ехать’: en, ei olnuiš ajanu, ei oldanuiš ajattu ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mändä** ‘идти’: en, ei olnuiš männny, ei olnuiš mänty ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’; **syödä** ‘есть’: en, ei olnuiš syöny, ei oldanuiš syöttty ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

ливв. **ajua** ‘ехать’: en, ei ollus ajanuh, ei oldanus ajattu ‘Я, он не поехал бы; они не поехали бы’, **mennä** ‘идти’: en, ei ollus mennyh, ei oldanus mendy ‘Я, он не пошел бы; они не пошли бы’, **syvvä** ‘есть’: en, ei ollus syönnyh, ei oldanus syödy ‘Я, он не съел бы; они не съели бы’;

люд. Ku hüö ei oldanuiš otettu verkot, olnuižimme kalata ‘Если они не взяли бы сетей, то мы были бы без рыбы’ [1: 158]; ливв. en ollus olluh nuori to en luadis tädä ‘если бы я не была молодой, то не сделала бы это’ [4: 244].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели всю возможную парадигму условного наклонения ливвиковского и людиковского наречия, которые находятся в наиболее тесном родстве с вепсским языком и подверглись более сильному воздействию с его стороны, что повлияло на возникновение и употребление в вышеназванных наречиях более полной временной парадигмы кондиционала. Однако при более внимательном рассмотрении, прежде всего с точки зрения семантики и употребления аналитических форм в речи информантов, задумываемся

об уместности выделения всех четырех форм, или же стоит пойти по пути собственно карельского наречия и выделять две временные формы (в нашем случае – презенс и перфект, как в потенциале), учитывая тот факт, что формы плюсквамперфекта и перфекта в речи информантов практически не употребляются и являются крайне нерегулярными, малочастотными, обозначая давнoproшедшее время и обычно в предложении противопоставляясь прошедшему (имперфект-плюсквамперфект) и настоящему (презенс-перфект).

* Статья подготовлена в рамках госзадания (бюджетная тема «Прибалтийско-финские языки Карелии и сопредельных областей в синхронном и диахронном аспектах»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцев А. П. Людиковский диалект карельского языка. Фонетика и морфология Святозерского ареала (рукопись). Петрозаводск, 1985. 207 с.
2. Баранцев А. П. Образцы людиковской речи (образцы корпуса людиковского идиолекта). Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.
3. Заиков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 119 с.
4. Заиков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 293 с.
5. Заикова Н. Г. Вепсский глагол: сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 288 с.
6. Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. III. С. 61–80.
7. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
8. Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
9. Ййспуу Я. Система глагольного словоизменения в южно-карельских перефирийных говорах: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1985. 230 с.
10. Ahtia E. V. Karjalan kielioppi. Suojärvi, 1936. 144 s.
11. Genets A. Wepsän pohjoiset etujoukot // Kieletär I: 4. Helsinki, 1872. S. 3–32.
12. Genets A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi II: 14. Helsinki, 1880. S. 3–247.
13. Genets A. Tutkimus Aunuksen kielestä // Suomi II: 17. Helsinki, 1885. S. 3–194.
14. Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. Helsinki, 1979. 633 s.
15. Kurola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
16. Laanest A. Sisjeuhatus läänemeresoome keeltesse. Tallinn, 1975. 240 s.
17. Markianova L. Livvin murdehen morfoloogii. Verbit. Adverb. Petroskoi, 1995. 94 s.
18. Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Петрозаводск, 1994. 455 s.
19. Pashkova T. V. Luuendo-da harjoituskogomus. Verbit. Konditsionalu. Potensiatalu. Imperatiivu (karjalan kielen livvin murdehel). Petroskoi, 2018. 41 s.
20. Ravila P. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie // Finnesch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1935. № 23. S. 20–65.
21. Setälä E. N. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. Helsinki, 1886. 198 s.
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.
23. Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia. Helsinki: SUS, 1986. 179 s.

Поступила в редакцию 03.07.2019

Tatiana V. Pashkova, Doctor of History, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
tvpashkova05@mail.ru

Aleksandra P. Rodionova, PhD in Philology, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
santrar@krc.karelia.ru

TEMPORAL CONDITIONAL PARADIGM IN THE LIVVIAN AND LUDIAN DIALECTS OF THE KARELIAN LANGUAGE*

The purpose of this research article is a comparative analysis of the formation and use of conditional temporal forms in the Livvian and Ludian dialects of the Karelian language. The authors used comparative and historical methods for their research. Theoretical and methodological basis was formed by the works of Russian and foreign linguists studying the issues of grammar of the Finnic and Finno-Ugric languages: A. Genets, P. M. Zaikov, A. P. Barantsev, V. D. Ryagoev, L. F. Markianova, J. Oispuu, etc. In their works, the researchers addressed the issues of the formation of conditional indicators, conditional temporal forms, and the specifics of their use, however, the comparative analysis of the time paradigm has remained out of the linguists' scope of attention. In the Livvian

and Ludian dialects, there are four temporal conditional forms: present, imperfect, perfect, and pluperfect. There are also two tense forms: imperfect and pluperfect in the Karelian dialect. The Livvian and Ludian dialects were related most closely to the Vepsian language and were exposed to a stronger influence from it, which contributed to the occurrence and use of a more comprehensive time paradigm of conditionals in the above-mentioned dialects. However, from the point of view of semantics and the use of analytical forms, pluperfect and perfect constructions in the speech of the informants are practically not used and are extremely irregular, low-frequency, denoting a long-gone time, and in a sentence they are usually being opposed to the past (imperfect-pluperfect) and the present (present-perfect).

Keywords: verb, dialects of the Karelian language, conditional, the temporal paradigm, the Finnic languages

* The article was written as part of the state project “Baltic-Finnic languages of Karelia and adjacent areas in synchronous and diachronous aspects”.

Cite this article as: Pashkova T. V., Rodionova A. P. Temporal conditional paradigm in the Livvian and Ludian dialects of the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.431

REFERENCES

1. Barantsev A. P. The Ludian dialect of the Karelian Language. Phonetics and morphology of the Svyatozero area (manuscript). Petrozavodsk, 1985. 207 p. (In Russ.)
2. Barantsev A. P. Samples of the Ludian speech. Petrozavodsk, 1978. 287 p. (In Russ.)
3. Zaikov P. M. Grammar of the Karelian language. Petrozavodsk, 1999. 119 p. (In Russ.)
4. Zaikov P. M. Verb in the Karelian language. Petrozavodsk, 2000. 293 p. (In Russ.)
5. Zaitseva N. G. The Vepsian verb: a comparative research. Petrozavodsk, 2002. 228 p. (In Russ.)
6. Makarov G. N. The Karelian language. *Languages of the peoples of the USSR*. Moscow, 1966. Vol. III. P. 61–80. (In Russ.).
7. Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. The Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk, 2019. 479 p. (In Russ.)
8. Ryagoev V. D. The Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad, 1977. 287 p. (In Russ.)
9. Õispuu Y. The system of verbal inflection in the South-Karelian peripheral dialects: PhD dissertation (Philology). Tartu, 1985. 230 p. (In Russ.).
10. Ahtia E. V. Karjalan kielioppi. Suojärvi, 1936. 144 s.
11. Genets A. Wepsän pohjoiset etujoukot // Kieleläri 1: 4. Helsinki, 1872. S. 3–32.
12. Genets A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi II: 14. Helsinki, 1880. S. 3–247.
13. Genets A. Tutkimus Aunuksen kielestä // Suomi II: 17. Helsinki, 1885. S. 3–194.
14. Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. Helsinki, 1979. 633 s.
15. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
16. Laanest A. Sissejuhatus läämemeresoome keeltesse. Tallinn, 1975. 240 s.
17. Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbii. Petroskoi, 1995. 94 s.
18. Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Petroskoi, 1994. 455 s.
19. Pashkova T. V. Luvendo-da harjoituskogomus. Verbit. Konditsionalu. Potensiualu. Imperatiivu (karjalan kielen livvin murdehel). Petroskoi, 2018. 41 s.
20. Ravila P. Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie // Finnesch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1935. № 23. S. 20–65.
21. Setälä E. N. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstammbildung in der finnisch-ugrischen Sprachen. Helsinki, 1886. 198 s.
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.
23. Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia. Helsinki: SUS, 1986. 179 s.

Received: 3 July, 2019